

Аполлон Григорьев

Краткий послужной список на память моим старым и новым друзьям

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

В 1844 году я приехал в Петербург, весь под веяниями той эпохи, и начал печатать напряженнейшие стихотворения, которые, однако, очень интересовали Белинского, чем ерундивее были.

В 1845 году они изданы книжкою. Отзыв Белинского. {1}

В 1846 г. я редактировал "Пантеон" и – со всем увлечением и азартом городил в стихах и повестях ерундищу непроходимую. Но за то свою – не кружка.

В 1847 году поэтому за первый свой честный труд, за "Антигону", я был обруган Белинским {2} хуже всякого школьника.

Я уехал в Москву – и там нес азарт в "Городском листке" – но опять-таки свой азарт – и был руган.

Вышла странная книга Гоголя, {3} и рука у меня не поднялась на странную книгу, проповедовавшую, что "с словом надо обращаться честно".

Вышла моя статья в "Листке", и я был оплеван буквально [подлецом] именем подлеца, Герценом и его кружком.

В 1848 и 1849 году я предпочел заниматься, пока можно было, в поте лица – работой переводов в "Московских ведомостях". {4}

В 1850 году – послал, не надеясь, что она будет принята, – статью о Фете. {5} Приняли. Я стал писать туда летопись московского театра. Не надолго. Не переварилась.

Явился Островский и около него как центра – кружок, в котором нашлись все мои, дотоле смутные верования. С 1851 по 1854 включительно – энергия деятельности {6} – и ругань на меня неимоверная, до пены у рта. В эту же эпоху писались известные стихотворения, {7} во всяком случае, замечательные искренностью чувства.

"Москвитянин" падал от адской скупости редактора. {8} "Современник" начал заискивать [меня] Островского – и как привесок – меня, думая, что поладим. Факты. Наехали в Москву Дружинин и Панаев. Боткин (дотоле враг, оттоле приятель) свел меня с ними.

С 1853 по 1856, разумеется урывками, переводился "Сон". {9} Летом 1856 года я _запродал_ его Дружинину за 450 р.

Летом же написана одна из серьезнейших статей моих – "Об искренности в искусстве", в "Беседе". {10} Молчание.

Вдруг совсем неожиданно я явился в "Современнике" с прозвищем "проницательнейшего из наших критиков".

В 1857 году выдался случай ехать за границу. Там я ничего не писал, а только думал. Результатом думы были статьи "Русского слова" в 1859.

Возврат вообще был блистательный. Сейчас же готовились выдать патент на звание обер-критика. Некрасов купил у меня разом 1) "Venezia la bella", 2) "Паризину" Байрона и 3) "Сон" в его будущее издание Шекспира.

В мое отсутствие вышли только – 1) мои стихотворения лучшей, москвитянинской эпохи жизни {11} – у Старчевского в "Сыне", 2) статьи о критике в "Библиотеке" {12} (mention honorable {почетная награда (франц.)}.) с готовым патентом на обер-критика) и "Сон".

При статьях "Русского слова" {13} – вот как: цензор Гончаров сам занес мне первую, {14} с адмиациями. {15} При последующих – град насмешек Добролюбова, {16} взрыв ослиного хохота в "Искре" {17} и проч.

Немало меня удивили потом братья Достоевские, Страхов, Аверкиев мнением о них – и особенно Ильин, {18} катающий из них наизусть целые тирады.

А мысли-то мои прежние, москвитянинские – вообще все как-то получили право гражданства.

В июле 1859 в отъезд графа Кушелева – я не позволил г. Хмельницкому вымарать в моих статьях дорогие мне имена Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Погодина, Шевырева. Я был уволен от критики. Факт.